

Предисловие

В 2004 г. автор этих строк опубликовал книгу, которая состояла из двух десятков очерков, рассматривавших спорные и узловые проблемы истории русского Средневековья. Эта работа была рассчитана на специалистов и издана тиражом 1000 экземпляров¹. В 2010 г. в издательстве «Астрель» увидело свет научно-популярное переложение большинства очерков (а также некоторых работ автора, вышедших после 2004 г.)². В 2016 г. издательство «Ломоносов» выпустило второе издание, содержащее добавления, в том числе целой главы (гл. 9)³. Предлагаемая книга представляет собой, таким образом, третье издание (содержащее ряд уточнений и библиографических дополнений).

Название книги подчеркивает направленность ее составных частей: речь пойдет о тех традиционных

¹ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

² Горский А.А. Русское средневековье: Мифы и историческая действительность». М., 2010.

³ Горский А.А. Средневековая Русь: о чем говорят источники. М., 2016.

представлениях о Средневековой Руси, которые не выдерживают проверки внимательным анализом исторических источников. Автор этих строк предпочитает хронологически неопределенному термину «Древняя Русь» понятие «Средневековая Русь», вводящее историю страны в общеевропейскую периодизацию. Средними веками в истории Европы принято называть период с V по XV столетие н.э. Соответственно Русское Средневековье — это период от возникновения русской государственности до XVI века.

Глава 1

О так называемых «племенах» восточных славян

Каждому, кто интересовался ранней историей нашего Отечества, хорошо знакома картина расселения восточных славян, рисуемая «Повестью временных лет» — киевской летописью начала XII столетия. Эта картина многократно воспроизведена к тому же на исторических картах, в том числе в атласах, предназначенных для учащихся средней школы. Таким образом, если не с самим летописным текстом, то как минимум с воспроизведением содержащейся в нем информации на карте должно быть знакомо вообще практически все население страны.

Согласно «Повести временных лет», на Среднем Днепре, в районе будущего Киева, поселились *поляне*. К северо-западу от них, на правом берегу правого притока Днепра — реки Припяти — жили *древляне*. Севернее древлян, между Припятью и Западной Двиной, обитали *дреговичи*. Верховья Западной Двины, Днепра и Волги занимали *кривичи*; их двинская часть именовалась *полочане*. На севере Восточной Европы, у озера Ильмень, поселились *словене* (наименование этой общности совпадало с общеславянским

названием¹). На левобережье Днепра, по рекам Десна, Сейм и Сула, обитала общность под названием *север* (более поздняя форма названия — *северяне*). На Западном Буге жили *бужане* (позже ставшие именоваться *волынянами*). На реке Сож (левом притоке Днепра, севернее Десны) расселились *радимичи*. Район Верхней Оки занимали *вятичи*. Наконец, в Поднепровье (и вплоть до низовьев Дуная), на крайнем юго-западе Восточной Европы, жили *уличи и тиверцы*. «Повесть временных лет» относит складывание этой картины расселения славян по Восточной Европе к эпохе до середины IX столетия. Рассказ о ней помещен во вводной части летописи, где нет дат: первая датированная статья помечена 852 г.²

Что представляли собой перечисленные славянские общности? Такой вопрос может показаться излишним и даже странным. Наверняка любой человек, сколько-нибудь знакомый с исторической литературой, ответит: ну, разумеется, они были племенами! Ведь коль скоро это еще не государства, значит — племена. И в самом деле, в исторической науке данные догосударственные образования славян постоянно именуется «племенами». Этот термин присутствует иногда даже в заголовках исследовательских трудов: так, книга видного советского археолога П.Н.Третьякова (изданная в 1941 и вторично

¹ В раннее Средневековье этноним «славяне» звучал именно так — *словене*.

² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 8–12.

в 1953 г.) называлась «Восточнославянские племена». Нередко, правда, историки предпочитают называть восточнославянские общности, перечисленные «Повестью временных лет», не племенами, а «союзами племен», утверждая, что они включали в себя более мелкие образования, которые и были собственно «племенами». Но сути дела это не меняет: все равно основой общественной структуры признается племя.

Но откуда собственно ведет начало столь непоколебимое убеждение, что восточные славяне делились именно на племена? В исторической литературе названные в летописи общности именуется племенами с такой уверенностью, что у читателя-неспециалиста может сложиться впечатление, что они называются «племенами» в самих исторических источниках, в той же «Повести временных лет» или в иных памятниках древнерусской письменности. Это тем более должно казаться вероятным, поскольку слово «племя» — древнее и общеславянское.

Однако на самом деле восточнославянские догосударственные общности *ни в одном историческом источнике не называются племенами*. Слово «племя» употреблялось в раннее Средневековье в иных значениях — «потомство», «семья», иногда «народ», но *никогда* не прилагалось к перечисленным «Повестью временных лет» восточнославянским образованиям. То есть в применении к ним «племя» — это чисто условный научный термин.

Но, может быть, хотя слово «племя» и не встречается в источниках по отношению к полянам, древлянам и подобным им общностям, оно применимо к ним именно в смысле научного понятия?

В науке «племенами» принято называть общности, основанные на кровнородственных связях, а именно — объединения родственных *родов*. Представление о таком устройстве, которое принято называть «родоплеменным», было выработано в науке в XIX столетии. Сначала оно сложилось в результате изучения общественного устройства народов, сохранивших до Нового времени архаический общественный строй — в первую очередь индейцев Северной Америки. Затем сходные явления были прослежены по историческим источникам у многих европейских народов — древних греков, римлян, германцев — в эпохи до образования у них государств. Постепенно стало признаваться, что родоплеменное устройство было стадией в развитии всех народов. В приложении к истории славян это означало, что и они никак не могли миновать данный этап общественной эволюции. Ну а если поставить вопрос — когда у славян существовали племена? — ответ напрашивался сам собой: естественно, до образования государств! И коль скоро перечисленные «Повестью временных лет» общности не являлись государственными образованиями, стало быть, они суть племена. Это, казалось бы, очевидно, ничего иного просто быть не может.

На деле все оказывается не так элементарно. Чтобы разобраться, необходимо взглянуть на карту расселения раннесредневековых славян в целом, включая западных и южных, причем взглянуть с точки зрения их этнонимов — так называемых «племенных названий».

Источники VII–XII вв. — византийские, западноевропейские, древнерусские, чешские, польские — донесли названия около сотни славянских догосударственных общностей. Традиционно считается, что они подразделяются с точки зрения особенностей словообразования на две группы — на названия «топонимические» и «патронимические». Первую составляют наименования с суффиксом *-ане/яне* (поляне, древляне, мораване и т.п.); они происходят от местности обитания той или иной общности: поляне — жители «поля», т.е. открытого пространства, древляне (от «дерево») — жители лесов, мораване — живущие по реке Мораве и т.д. Вторая группа — названия с суффиксом *-ичи* (кривичи, радимичи, вятичи, лютичи и т.п.); эти этнонимы восходят к личным именам, именам предков («патронимам»)¹.

Однако такие представления, мягко говоря, не вполне точны. Рассмотрение всех догосударственных славянских этнонимов показывает, что названия на *-ичи* далеко не всегда (а точнее, крайне ред-

¹ См., например: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1982. С. 26.

ко) могут быть возведены к личным именам. Более того, они зачастую связаны с местностью обитания, т.е. относятся как раз к «топонимическим» названиям: например, «дреговичи» — обитатели «дрегвы», т.е. болотистой местности; «струменичи» (южнославянская общность в Македонии) — от реки Струмы (Стримона); «берзичи» (также в Македонии, у Охридского озера) — «живущие на берегу». С точки же зрения численного соотношения этнонимов явно преобладающими оказываются названия, связанные с местностью обитания (либо с гидронимами — названиями рек и озер, либо с теми или иными особенностями ландшафта), — около 80% среди этнонимов, происхождение которых можно определить. При этом преобладание названий этого типа прослеживается во всех регионах славянского расселения в раннее Средневековье — и в Восточной Европе, и в Центральной, и на Балканском полуострове, т.е. и у восточных, и у западных, и у южных славян. «Топонимические» этнонимы преобладают в источниках и VII, и IX, и X столетий¹.

Вывод о преобладании среди славянских этнонимов раннего Средневековья названий, связанных с местностью обитания, влечет, между тем, за собой умозаключения, полностью подрывающие представ-

¹ См.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 2011. С. 135–148.

ление о славянских догосударственных общностях этой эпохи как о «племенах».

В VI — VIII вв. происходит т.н. «Расселение славян», явившее собой завершающий этап так называемого Великого переселения народов — грандиозного миграционного движения, охватившего Европейский континент в середине I тысячелетия н.э. и полностью перекроившего этническую и политическую карту континента. Расселение славян осуществлялось по трем основным направлениям: 1) на Юг, за Дунай, на Балканский полуостров, на территорию Восточной Римской (Византийской) империи; 2) на Запад в Среднее и Верхнее Подунавье и междуречье Одера и Эльбы (на территории, с которых ушли на Запад германские племена, у которых миграции начались раньше, чем у славян); 3) на Восток и Север по Восточноевропейской равнине (на земли балтских и финно-угорских народов). В результате славянами был заселен весь Балканский полуостров, лесная зона Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховьев Волги, Дона и Оки на востоке, нижнее и среднее течение Дуная, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы. Так вот, большинство этнонимов раннесредневековых славян встречаются на *вновь заселенных территориях*. К территориям, на которых славяне предположи-

тельно жили до Расселения¹, относится лишь около 20% названий. Основная же их масса фиксируется в районе рек Одера и Эльбы, в Среднем Подунавье, на Балканском полуострове, в лесной зоне Восточной Европы — т. е. там, где славяне появились в результате миграций, т. е. не ранее VI — VII вв. Большинство этих этнонимов, напомним, связано с особенностями местности обитания. Но на вновь заселенной территории эта местность обитания — *новая* для той или иной группировки. Следовательно, название общности появлялось только после заселения, со старого места проживания оно принесено быть не могло. Таким образом, надо признать, что названия большинства восточнославянских общностей раннего Средневековья — *новые, появившиеся только после Расселения VI — VIII вв.*

Между тем самоназвание — один из важнейших индикаторов этнической общности. Это главный показатель самоидентификации этноса — группы людей, осознающих общность происхождения. У славян же после Расселения происходило, получается, в массовом порядке появление новых самоназваний. Это может свидетельствовать только об одном: славянские образования, которые складывались после миграций, не были в большинстве

¹ Среди исследователей нет единого мнения, где обитали славяне до VI столетия, но большинство сходится на том, что накануне Расселения они занимали территорию между Средней Вислой и Средним Днепром.

случаев поначалу связаны представлениями об общем происхождении. Очевидно, в ходе Расселения происходила ломка племенной структуры, и осколки прежних племен, объединяясь в ходе миграций или уже на месте нового поселения, создавали новые общности, имевшие уже чисто территориальную основу.

В пользу такой трактовки событий говорит и терминология, применяемая по отношению к славянским догосударственным общностям в византийских источниках (т.е. в памятниках, созданных в наиболее развитом европейском государстве той эпохи). Если, говоря о славянах эпохи миграций, VI — VII вв., византийские авторы употребляют понятия «этнос» и «генос», указывающие на этническую близость, то для конкретных славянских общностей, занимающих определенную территорию, с VII столетия используется другой термин — «славинии» (от слова «славяне»), с указанием названия того или иного образования¹. Причем это касалось не только славян южных, соседей и частично подданных Византии, но также и западных и восточных славян. Так, император Константин VII Багрянородный, составляя в середине X столетия трактат «Об управлении империей», писал в главе, посвященной Руси как соседу Византии, о восточнославянских общностях, зависимых от

¹ См.: Литаврин Г.Г. Славинии VII — IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

киевских князей. При этом он определял их не как «народы» («этноты»), а как «славинии древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян»¹.

«Неплеменной» характер славянских догосударственных общностей раннего Средневековья вовсе не является чем-то уникальным в истории. За последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до Нового времени, специалисты по политической антропологии пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom* (от *chief* — вождь), что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя². Славянские догосударственные общности VII—IX вв. соответствуют признакам именно «вождеств», а не «племен»: в них фиксируется наследственная власть вождей — князей.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 50–51.

² См.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

Племена у славян существовали не накануне образования государств, как традиционно считается, а гораздо ранее, в эпоху до начала Расселения — до VI столетия, для которой сведения о внутренней структуре славянского общества практически отсутствуют (само имя «славяне» появляется в исторических источниках только в VI столетии). В период же Расселения VI — VIII вв. у славян происходил слом племенной структуры общества¹. В результате сформировались новые общности, носившие уже территориально-политический характер (их можно, отталкиваясь от византийской терминологии, условно именовать «славиниями»). Этот вывод важен постольку, поскольку традиционное представление о племенном устройстве славян, в том числе восточных, накануне образования государств ведет к неоправданной архаизации их общественного развития, подталкивает к представлению о некоей общественной «неразвитости», «дикости»². На деле сла-

¹ Этот вывод распространяется и на территорию вероятного «старого» (до VI в.) славянского заселения — между Вислой и Средним Днепром, поскольку здесь также преобладают названия по местности обитания; миграции происходили и в этом регионе.

² Этому отчасти способствовал автор «Повести временных лет», поместивший во вводной части своего произведения описание «зверинского образа» жизни древлян, северян, радимичей и вятичей. Но его целью было противопоставление их полянам — предкам киевлян, имевшим «обычай кроток и тих» (Повесть временных лет. С. 10–11).

вянские государства складывались не на племенной основе, а на основе переходной структуры, которая уже не являлась племенной, но еще не была государственной. Время, которое отпустила этой структуре история, было (для большинства «славиний») небольшим. Так, по совокупности данных письменных источников и археологии, формирование известной по «Повести временных лет» структуры восточной ветви славян можно датировать VIII – первой половиной IX в., а уже к концу X столетия все ее составляющие – «славинии» Восточной Европы – вошли в состав государства Русь.

В связи с выводом о неплеменном характере славянского общества накануне образования государств по-новому видится и проблема т.н. «родоплеменной знати» у славян. Еще недавно в историографии не вызывало сомнений, что такой слой, состоявший в первую очередь из старейшин родов и племен, у славян раннего Средневековья, в том числе восточных, не только существовал, но играл ведущую роль в обществе. Сплошь и рядом можно было встретить утверждения, что в первую очередь именно из родоплеменной знати формировался в славянских государствах, в том числе на Руси, «класс феодалов». В конце XX столетия, однако, утвердилось представление, что ведущую роль на Руси в эпоху государствообразования играла другая категория знати – служилые люди князя, носившие наименование *дружина*. Но представление о наличии в раннесред-